

УДК 82.0; 82-1-9

ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ В РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: БАСНЯ И МАСАЛ

© Алсу Хабибуллина

GENRE STRATEGIES IN RUSSIAN AND TATAR LITERATURE: FABLE AND MASAL

Alsu Khabibullina

The article studies genre strategies, used in translations of Krylov's fables made by Tatar poets and translators in the 19th – early 20th centuries. The article focuses on correlations of fable and masal (мәсәл) genres in a cross-literary context. Tatar fables possess certain features, which refer them to the field of nonhomological correlations with Russian fables: both Tatar people's identity and the history of their literature are revealed in a unique way. This work is based on G. Tukay's translations of Krylov's fables included in the book "Энже бертекләре" ("The Pearls") in 1909. The article concludes that the works by the Russian fabulist, translated into the Tatar language, have become part of a literary dialogue. Fore and foremost, this dialogue was complex and unique because the fables by Aesop, I. A. Krylov, and I. I. Dmitriev, translated at the turn of the century, contributed to the development of fable poetics and theoretical foundations of this genre in national literature. Tukay's translations are made in prose. This form correlated with the familiar native literature genres, which were close to the masal with respect to their didactic orientation, for example, to nasyihats and khikayats. This approach has changed the fable poetics: Tukay's free translations enhance the impact of the event or sequence of actions on the morale or generalizations, which are accentuated and strong in their moral context.

Keywords: genre strategies, fable, masal, translations, G. Tukay, I. A. Krylov, literary dialogue.

В статье рассматриваются жанровые стратегии переводов басен Крылова, выполненные татарскими поэтами и переводчиками в XIX – начале XX века. Цель исследования – установить характер корреляции жанров басни и масал (мәсәл) в межлитературном контексте. Выяснено, что татарская басня имеет особенности, которые выводят ее в область негомологического соответствия с русской басней: в ней по-своему раскрывается как идентичность татарского народа, так и история его литературы. Фактическая основа работы – переводы Г. Тукая на татарский язык басен И. А. Крылова, которые в 1909 году вошли в книгу «Энже бертекләре» («Жемчужины»). Сделан вывод о том, что переводы на татарский язык произведений русского баснописца стали частью диалога литературы. Этот диалог был сложным и уникальным одновременно, прежде всего потому, что созданные на рубеже веков переводы басен Эзопа, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева способствовали формированию поэтики басни в национальной литературе, складыванию основ теории этого жанра. Переводы Тукая выполнены в прозе. Такая форма коррелировала с известными ему жанрами родной литературы, которые были близки к масал своей дидактической направленностью, например насихатами, хикаятами. Последнее заметно меняло поэтику басни: в вольных переводах Тукая усилено впечатление от самого события или ряда действий, наконец, на саму мораль или обобщение, которые были акцентными, сильными в своем нравственном содержании.

Ключевые слова: жанровые стратегии, басня, мәсәл, переводы, Г. Тукай, И. А. Крылов, диалог литературы.

В истории татарской литературы среди многих жанров дидактической направленности особое место занимает жанр мәсәл (басня). Обратимся к его содержанию в сопоставлении с русской басней, в частности баснями И. А. Крылова. Сопоставление их не случайно: в жанровом содержании и элементах данных форм есть общее основание, что позволяет, с одной стороны, по-

ставить в один ряд произведения русских и татарских поэтов, например Тукая и Крылова, а с другой – увидеть в них уникальные черты.

Нужно отметить, что в отечественном литературоведении сложились концепции, посвященные вопросам переводов и творческого восприятия басен Крылова в татарской литературе XIX–XX вв. Так, разные стратегии переводов ба-

сен Крылова на родной язык рассмотрены в диссертации Р. Ф. Башкурова «Переводы Г. Тукая из русской литературы» [Башкуров]. Л. К. Байрамова исследует некоторые виды трансформаций произведений Крылова, найденные в переводах татарского поэта на родной язык: конкретизацию, добавление, пропуски [Байрамова, 1997]. В научно-биографическом исследовании И. З. Нуруллина «Тукай» ставится проблема рецепции русской классики в татарской культуре начала XX века. Наряду с произведениями Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, басенное наследие Крылова, по мнению ученого, сформировало взгляды Тукая как на национальную литературу, так и самобытность оригинального творчества [Нуруллин, с. 95–96, 106–107].

В специальной статье «Рус теле Тукайда», которая вошла в энциклопедию «Габдулла Тукай», рассматриваются – преимущественно с лингвистических позиций – примеры множественности форм усвоения татарским поэтом басен Крылова [Байрамова, 2016]. Богатый фактический материал, позволяющий понять историю переводов и в целом жизнь поэзии Крылова в татарском художественном сознании, обобщен в библиографическом указателе Э. Г. Нигматуллина «Диалог культур» [Нигматуллин].

Вместе с тем справедливо утверждать, что жанровый аспект этой большой темы, связанный с вопросом о корреляции басни и масал в разноязычных литературах, особенностях их поэтики, до сих пор малоизучен в теоретической науке, в сопоставительном литературоведении в частности.

В этой связи рассмотрим вначале некоторые черты поэтики русской басни.

Б. В. Томашевский относит басню, наряду с балладой и эпиграмматической сказкой, к малым формам стихотворного повествования. Согласно исследователю, «басней называется небольшое аллегорическое повествование, изложенное (обычно) в стихах, написанных вольным ямбом, и сопровождаемое стихотворною же „моралью“, представляющей общий вывод из аллегорического рассказа» [Томашевский, с. 142]. Характерный аспект басни – нравственно-этический. В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) подчеркивается связь басни с близкими ей жанрами. Так, повествовательной частью басня сближается со сказками (особенно животными сказками), новеллами, анекдотами; моралистической частью – с пословицами и сентенциями; один и тот же материал свободно перетекает между басней и этими смежными жанрами [Гаспаров, с. 47].

Басня – жанр уникальный, так как о нем говорит история почти каждой национальной литературы. Элементы басенного жанра присутствуют в фольклоре всех народов (например, на Востоке басня вошла в известное произведение арабской литературы «Калила и Димна»), многие национальные литературы также знакомы с этой формой. По мнению В. Степанова, «древнегреческие и древнеиндийские басни разбрелись по всему свету; они явились тем богатейшим источником, из которого черпали мотивы и сюжеты многие последующие баснописцы. Но при всей общечеловечности содержания *басня каждого народа приобретает своеобразный национальный колорит*» [Степанов, с. 7] (курсив наш. – А. Х.).

А. А. Потебня посвятил басне специальные лекции, ставшие частью его работы по теоретической поэтике [Потебня]. Согласно его взглядам, басня как литературный жанр имеет сложную поэтику. Во-первых, она состоит из двух частей: «одной – именно частного случая, к которому она применяется, который не входит в состав басни в ее отвлеченном виде, словами не выражается, и другой, которая составляет то, что обыкновенно называется басней. Эту последнюю можно назвать *образом* в обширном смысле слова» [Там же, с. 70]. Именно превосходство поэзии над прозой, то есть образности над обобщением, которое прилагается к ней, является отличительным свойством произведений Крылова.

Во-вторых, басня, в отличие от других жанров (рассказа, стихотворения в прозе), основана на действии. Оно – неперемное условие этой формы.

И наконец, другая черта поэтики жанра связана с тем, как соотносятся между собой обобщение и сам рассказ, заключенный в басне. По мнению А. А. Потебни, их соотношение не прямолинейное, так как басня не является доказательством общего положения, «басня служит только точкой, около которой группируются факты, из которых получается обобщение» [Там же, с. 99].

Известно, что русская басня имеет свою богатую историю в литературе, она насчитывает более двух столетий. С одной стороны, ее традиции восходят к басням Эзопа, созданным в Древней Греции в VI–V в. до нашей эры, а с другой – к формам русского фольклора. Особое место басня заняла в поэтическом творчестве А. Кантемира, М. Ломоносова, В. Тредиаковского, А. Сумарокова, И. Хемницера. Однако расцвет данного жанра, «триумф русской басни» (В. П. Степанов) произошел в творчестве И. А. Крылова.

Опираясь на художественное наследие русского баснописца, А. Н. Пашкуров выделяет черты нового в его произведениях по сравнению с предшественниками: «связь с народной смеховой культурой (раешный театр, присказки, половицы и поговорки, сказки)», «традиции книжной дидактической литературы рубежа XVII–XVIII вв. и русского классицизма XVIII века: адресность сатиры, пафос конкретного социального, а зачастую и политического обличения порока», «сценичность композиционного построения в басне» [Пашкуров, с. 20].

Справедливо утверждать, что названные свойства этой литературной формы в художественном переводе, в инонациональной рецепции в целом не могут сохраниться полностью, быть «адекватными» источнику. К примеру, черты классицизма в татарской басне XIX – начала XX века вряд ли будут заметными в силу того, что данные типы художественного мышления истории национальной литературы не знала¹.

Сделаем предположение, что отношение двух жанров – басни и масал – не имеют гомологического соответствия, хотя они достаточно схожи с точки зрения их назначения в обществе. Будучи универсальным жанром, масал (басня) выразила свое уникальное содержание и поэтику в тюркских литературах, в частности в татарской, что указывает прежде всего на его самобытность в национальной среде.

Известно, что масал возникла в тюрко-татарской литературе в XIII–XVI вв. Это время ее формирования. Один из ее источников – сюжеты «Калилы и Димны», распространенные в переводах в татарской среде [Миннегулов, с. 245–259]. Подобно другим жанрам, имеющим дидактическую направленность (хикаятов, хикметов, насихатов), масал сложилась в свободной от канона сфере, что обусловило ее «подвижность», способность взаимодействовать с другими неканоническими жанрами. Истоки ее можно найти в творчестве Ю. Баласугуни, А. Ясави, С. Бакыргани.

Исследования А. М. Шарипова подтверждают, что между басней и масал – заметное сходство, оба жанра имели преимущественно стихотворную форму и в конце содержали обобщение.

¹ Как считает Ю. Г. Нигматуллина, «русская литература в XVIII веке прошла в своем развитии этап классицизма – литературного направления, формировавшегося в эпоху абсолютизма, становления национальной государственности. Татарская литература не имела периода классицизма, так как у татарского народа не было тогда своей государственности и, следовательно, потребности в подобном литературном явлении [Нигматуллина, с. 86].

Однако к масал применялась рифмовка масневи, чуждая русскому стихосложению [Шарипов, с. 279].

Х. Ю. Миннегулов считает, что хикаяты, написанные прозой и вошедшие в известную поэму С. Сарай «Гулистан бит-тюрки»², как правило, завершались масал, а также другими стихотворными произведениями (кытга, фард, муназары). В отличие от басни в русской литературе XVIII века, она менее дифференцирована и самостоятельна как литературная форма. Так, на примере названного выше произведения С. Сарай «Гулистан бит-тюрки» (1391), имеющего «ящичную композицию»³, исследователь выделяет тесную связь самых разных дидактических форм, включенных в средневековый текст: хикаятов, хикметов, насихатов и басен. «Несколько композиционных единиц «Гулистан бит-тюрки» (например, «Рысь», «Лиса, «Попугай и ворона»), – пишет Х. Ю. Миннегулов, – хотя они и даны под названием хикаятов или стихотворных хикаятов («хикаяте мэнзумэ»), по существу не отличаются от жанра басни. Для них характерны иносказательность, сюжетность и в заключении – обязательная мораль» [Миннегулов, с. 139].

Рассмотрим некоторые аспекты истории переводов басен И. А. Крылова на татарский язык.

Установлено, что в начале XX века Тукай выступил одним из талантливых переводчиков поэзии И. А. Крылова на родной язык. Всего он перевел 75 басен. Такая деятельность Тукая – это его первый опыт восприятия русской классики. Свои переводы он публиковал в печатной газете «Аль-гасруль-джадид» – «Новый век» в 1906–1907 гг. (1906 – № 2, 3, 7, 10; 1907 – № 2) под названием «Мэжмугаи мефидэ» («Полезный сборник») [Ханнанова, с. 318]. Все они выполнены прозой, а в самом конце сборника, наряду с пе-

² Поэма С. Сарай «Гулистан бит-тюрки» («Цветущий сад по-тюркски») была написана в 1391 году на тюрко-кыпчакском языке [Миннегулов, с. 132]. Она представляет собой назира на известное религиозно-дидактическое произведение персидского поэта-суфия Саади «Гулистан» («Страна цветов», 1258).

³ Классическим примером «ящичной композиции» является поэма С. Сарай «Гулистан бит-тюрки». Произведение включает в себя разные жанровые единицы, такие как хикаят, повесть, новелла, сказка, анекдот, басня, муназары, рубаи, фард, хикмат, насихат и другие. «В тематическом плане мы наблюдаем в них многообразие, стремление отразить человеческое бытие комплексно, со всех сторон. Дидактика указанных жанров органически увязывается в них образностью» [Шарипов, с. 276].

реводными баснями, Тукай поместил слова Лукмана Хакима, его наставления⁴.

Уже в 1909 году произведения Тукая, за исключением некоторых, вышли отдельной книгой. Речь идет о сборнике басен «Энже бертекларе» («Жемчужины»), опубликованном в издательстве «Магариф». В том же году в газете «Эльислах» от 13 октября Тукай напечатал стихотворение «Төлке һәм йөзем жимеше (Крыловтан)» – «Лиса и виноград (из Крылова)». Нужно сказать, что это единственный свободный перевод известного произведения русского баснописца, выполненный Тукаем в стихотворной форме. Несколько десятилетий спустя, в 1946 году, он войдет в «Мәсәлләр» – небольшую книгу на татарском языке, посвященную басням Крылова. В нее наряду с произведением Тукая «Лиса и виноград» также вошли татарские переводы М. Гафури и К. Наджми. Все они стихотворные по форме.

Возникает вопрос: как же переводили басни Крылова до Тукая?

Согласно исследованиям, первые переводы басен Крылова были созданы в XIX веке, наряду с переводами басен И. И. Дмитриева (1842). Так, «в 1872 году в учебнике „Белек“ („Знание“), составленном известным востоковедом В. Радловым, в качестве учебного материала для детей были напечатаны 10 басен И. А. Крылова» [Башкуров, с. 19]. Уже в 1897 году на татарский язык 90 басен, вместе с произведениями И. И. Дмитриева, переводит Таип Яхин. Известный татарский просветитель К. Насыри также творчески использовал басни Крылова («Тень и человек», «Ворона и Лисица»), включив их в свои произведения, в частности в «Книгу о воспитании» (1884).

Все вышеназванные опыты переводов басен Крылова на татарский язык и их переложения выполнены прозой.

Заметный след в истории инационального восприятия и переводов произведений русского баснописца оставил Хаджихмет Рамиев. В самом начале XX века, в 1901 году, будучи шакирдом казанской русско-татарской школы, он опубликовал в виде небольшой книги стихотворные переводы басен Крылова. Во вступлении к изданию Рамиев достаточно ясно обосновал свой творческий замысел, связанный с тем, «чтобы познакомить своих сородичей –

мусульман с этими замечательными образцами русской литературы» [Рәмиев, с. 3] (перевод Р. Шарафеевой).

Таким образом, интерес к наследию Крылова был значительным и заметным в татарской культуре XIX – начала XX века. При этом наиболее талантливые переводы, сохранившиеся во времени, были выполнены прозой. Справедливо утверждать, что названная форма в целом коррелировала с поэтикой русской басни, согласовывалась с ней. Проза, что гораздо свободнее от формальных требований в литературе, легче вбирала в себя то содержание, которое проистекало из явлений татарской жизни, она позволяла сильнее, выраженнее подчеркнуть «свое» в диалоге с «другим».

По мнению Р. Башкурова, одна из главных причин обращения к прозе в переводах русской басни была связана с языком «тюрки», на котором создавалась литература. «Татарский литературный язык XX века, так называемый „тюрки“, включающий в себя арабо-персидские и турецкие языковые формы и словарный состав, не мог удовлетворять при переводе из русской литературы» [Башкуров, с. 19–21].

К тому же нужно учитывать, что многие басни в русской литературе, например басни Л. Н. Толстого, также были прозаическими и именно так они воспринимались татарским читателем.

Вместе с тем есть и другая причина сказанному.

В самой татарской литературе исторически сложились и уже получили распространение в начале XX века те прозаические жанры, в которых имитировалась поэтика стиха, эпическое и лирическое начало имели в них условную границу: нәсер, хикаяты. Среди дидактических жанров, распространенных в татарской литературе, были *насихаты*, которые, на наш взгляд, также коррелируют с поэтикой масал. Они в большей мере соотносятся с ней как с точки зрения формы – это малые жанры в литературах, так и в свете обобщения каких-то нравственных, философских и общечеловеческих идей, которые в них являются устойчивым свойством, инвариантом. Часто в *насихатах* обобщения существовали как афоризм, что передавало соответствующую – афористическую – черту художественного мышления восточных поэтов.

К примеру, известные *насихаты* К. Насыри («Книга о воспитании») представляют собой прозаические произведения, в которых даются поучения, касающиеся самых разных сторон человеческой жизни [Насыри, с. 80–99]. Многие восточные басни, вошедшие татарскую литературу еще с XV–XVI вв. в виде переводов и под-

⁴ Полное имя – Лукман аль-Хаким (от хикма – мудрость). В Коране есть сура (31-ая), названная именем исламского мудреца Лукмана. Это историческая личность, идеальный образ мусульманина. Согласно Корану, Аллах подарил Лукману мудрость.

ражаний «Калиле и Димне», также были выполнены прозой.

Как видно из сказанного, в татарской литературе начала XX века утвердились и заняли свое особое место жанровые формы нэсер, хикаят, в том числе «чисто» дидактические (насихат), которые содержали в себе элементы ритмической прозы. Заклучая в себе какие-то размышления о жизни, общечеловеческие идеи, они могли создавать то эстетическое основание и широкое «пространство» ценностей, из которого складывалось в дальнейшем восприятие русской басни в татарской литературе рубежа веков.

Обратимся к сопоставительному анализу басни И. А. Крылова «Осел и Соловей» и его перевода «Ишак илэ Сандугач», который выполнил Тукай:

Осел и Соловей

Осел увидел Соловья
И говорит ему: «По-
слушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь
великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твое
услышав пенье,
Велико ль подлинно
твое уменье?»
Тут Соловей являть
свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тя-
нул, переливался;
То нежно он ослабе-
вал
И томной вдалеке
свирелью отдавался,
То мелкой дробью
вдруг по роще рассыпал-
ся.
Внимало все тогда
Любимцу и певцу Ав-
роры:
Затихли ветерки, за-
молкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пас-
тух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью,
пастушке улыбался.
Скончал певец. <...>
[Крылов, с. 69–70].

Ишак и Соловей

Ишак, увидев Соло-
вья, подошел к нему и
сказал: «Послушай, друг!
Мне тебя хвалили, дес-
кать, очень хорошо по-
ешь. Вот я и хочу услы-
шать твой голос своими
ушами и сам оценить, хо-
роший он или плохой».
Соловей тут же при-
нялся показывать свое ис-
кусство и чуть ли не на
тысячу ладов свистеть и
петь.
Он, словно начиная
счет, то засвистит, то, на-
строясь тише и нежнее,
сыплет на весь лес мелкой
звонкой дробью и изо
всех сил старается петь
покрасивей.
Ветерок в листве и
мелкие птички, щебетав-
шие в лесу, потрясенные,
умолкли. Стадо, сгрудив-
шись в одном месте, лег-
ло. Пастух, весь отдав-
шись пению, едва дыша,
слушал Соловья.
Соловей умолк. <...>
[Тукай, 2008, с. 165] (пе-
ревод В. Думаевой-
Валиевой).

тебня, Н. Л. Степанов, М. А. Гордин). Что же относится к живописному в этой басне?

На наш взгляд, эту сферу образуют детали летнего пейзажа, а также эпизод «молчания» всей окружающей природы перед восхитительным пением Соловья. Он помогает читателю лучше представить внешнюю красоту, в которой раздавалось тонкое звучание соловьиной трели; ассоциативно создать в воображении яркую картину природы.

В басне Крылова также большое значение имеет ритм стихотворного текста, который создается иными, чем в прозаическом тексте, «сплошной» речи, способами. Так, искусную трель Соловья подчеркивает звукопись, которая возникает с помощью повтора звуков «л», «с»: «защелкал, засвистал», «тянул, переливался»; «ослабевал», «свирелью отдавался», «рассыпался».

Можно утверждать, что аллитерация, ассонанс (в басне подчеркнут гласный звук «а») создают «звучащую» ритмику в произведении Крылова, а мелодика не только воображается, но и слышится внимательным читателем.

Если обратиться к вольному переводу Тукая, то нетрудно заметить, что поэт верно перевел эту басню на татарский язык, стараясь сохранить в нем основное действие, то есть то событие, в которое включены ее герои – Соловей и Ишак. Именно этот элемент поэтики басни создает то общее, что делает басню как литературный жанр узнаваемой в татарском переводе. Вместе с тем сопоставление показывает, что в найденной Тукаем форме раскрываются иные принципы создания образности и музыкального начала. Последнее, в частности, создается за счет повтора слова *бер* ‘один’, которое Тукай использует не раз. Повтор усиливает особый ритм текста, в котором ощущается стремление соответствовать оригиналу русской басни, в том числе в аспекте ее стихотворного, а не только прозаического воплощения. Его перевод ритмизированный, в нем есть внутренняя рифма, согласующаяся с интонационным ритмом оригинала. За счет повтора слова «бер» и также гласных звуков «э», «е», «а» по-своему создается музыкальность той трели, которую исполняет Соловей:

Ул (Сандугач. – А. Х.) бер чут-чут итеп куеп, /
бер сызгыра, / бер назиканэ генэ, / тавышын
экрэнләтеп, / бер бөтен урманга вак кына ядрэ
сибелгэн кеби янгыратып жибәрөп, / ничек тэ булса
матуррак сайрага тырыша иде [Тукай, 2003, с. 453]
(разрядка наша. – А. Х.).

Таким образом, рядоположенные фрагменты русской и татарской басни подтверждают, что

Многие исследователи отмечали, что басням Крылова свойственна живописность, выразительность художественных образов (А. А. По-

они согласованы друг с другом как по содержанию, так и по ритмической наполненности. Вместе с тем перевод Тукая нельзя назвать «адекватным» источнику.

Причин этому несколько.

Одна из них заключается в самом творчестве Тукая, ее главных тенденциях. Поэзия Тукая как искусство тяготела к выражению просветительских идей, в которых живописность образа уступала место превосходству мысли, ценности наставления, размышлениям поэта о судьбе своего народа.

Мы также полагаем, что на перевод басни «Осел и Соловей», как и других произведений русского баснописца, оказал воздействие жанр насихат. Так, в 1910 году Тукай пишет стихотворение с одноименным названием – «Нэсыйхэт». С другой стороны, длинные строчки сплошной речи более соответствовали афористической природе татарского художественного сознания, они свободнее соотносились со стремлением завершить произведение обобщением, нравственной установкой или сентенцией. К примеру, многие насихаты Р. Фахретдинова, К. Насыри – это прозаические произведения. В целом такая черта по-своему проявилась и в творчестве писателей-современников Тукая, в частности в прозе Ф. Амирхана («Тэгъзия», «Татар кызы»). Для Тукая же это выразилось в том, что свой сборник «Полезное собрание» он завершает, как отмечалось выше, словами философа Лукмана, его мудрыми высказываниями. Вот некоторые из них:

Не всякий, надевший шкуру барса, батыр.

В терпении – ключ к радости, в спешке – ключ к огорчению.

Женщина без стыда все равно что суп без соли [Тукай, 2008, с. 105].

Наставления Лукмана, подобно самостоятельным и оригинальным сентенциям, которые добавлял Тукай в свои переводы басен («Картайган Арыслан», «Ике Күгәрчен» и др.), настраивали вдумчивого читателя на вечное, незбылемое, к тому, что ведет человека к совершенству. Сделаем предположение: такая черта восточного мировосприятия поддерживалась реалистическими просветительскими взглядами Тукая, а также рационализмом его художественного типа мышления.

Другой фактор – диалог литератур, который стал тем особенным и удивительным фоном, на котором складывалось творчество поэта. Так, обращение Тукая, с одной стороны, к средневековой восточной литературе, к татарской поэзии XIX века, в которой дидактическая направленность охватывала большинство жанров, а с дру-

гой – к мощному пласту русской культуры (вольное восприятие произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова), давало возможность сильнее подчеркнуть национальную идентичность и найти в этом сопоставлении разных культурных традиций и литературных форм свое уникальное место.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства РТ в рамках научного проекта № 18-412-160006.

Список литературы

- Байрамова Л. К.* Рус теле Тукайда // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 545.
- Байрамова Л. К.* Трансформации в переводах Тукая басен И. А. Крылова // Тукай и духовная культура XX века. (Материалы научной конф., посвященной 110-летию со дня рождения Тукая). Казань: ИЯЛИ, 1997. С. 249–254.
- Башиуров Р. Ф.* Переводы Г. Тукая из русской литературы: дис.... канд. филол. наук. Казань, 1957. 348 с.
- Гаспаров Л.* Басня // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 46–47.
- Крылов И. А.* Басни. М.: Художественная литература, 1979. 303 с.
- Миннегулов Х. Ю.* Татарская литература и восточная классика. Вопросы взаимосвязей и поэтики. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1993. 384 с.
- Насыри К.* Избранные произведения. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 256 с.
- Нигматуллин Э. Г.* Диалог литератур. Указатель переводов произведений русской литературы на татарский язык. Казань: Унипресс, 2002. 175 с.
- Нигматуллина Ю. Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Фэн, 1997. 191 с.
- Нуруллин И. З.* Тукай / авториз. перевод с тат. Р. Фиша. М.: Молодая гвардия, 1977. 240 с.
- Пашиуров А. Н.* Иван Андреевич Крылов // Русская литература от «Слова о полку Игореве» до наших дней. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 15–21.
- Потебня А. А.* Теоретическая поэтика: учеб. пос. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. М.: «Академия», 2003. 384 с.
- Степанов В. П.* Русская басня // Русская басня. М.: Правда, 1986. С. 7–20.
- Томашевский Б. В.* Краткий курс поэтики: учеб. пос. М.: КДУ, 2010. 192 с.
- Тукай Г.* Избранное / пер. с тат. яз. В. С. Думасовой-Валиевой. Казань: Магариф, 2008. 223 с.
- Ханнанова Г.* «На путь-дорогу нас выводит «Новый век» // Габдулла Тукайның тормыш һәм ижаты хроникасы өчен материаллар (1886–1907) = Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая / З. Рәмиев, М. И. Ибраһимов, Г. Ханнанова, Н. Ш. Насыйбуллина (на рус. и тат. яз.). Казань, 2018. С. 313–322.

Шарипов А. М. Зарождение системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюркско-татарской литературе (VIII–XIV вв.). Казань: изд-во Казан. ун-та, 2001. 364 с.

Рәмиев Х. Әмсалъ. Казан, 1901. 14 б. (Гәрап шрифтында).

Тукай Г. Сайланма әсәрләр. Шигырләр, поэмалар һәм чәчмә әсерләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 480 б.

References

Bairamova, L. K. (2016). *Rus tele Tukaida* [The Russian Language of Tukay]. Gabdulla Tukai. Entsiklopediia. 545 p. Kazan', ИИЛ. (In Tatar)

Bairamova, L. K. (1997). *Transformatsii v perevodakh Tukaia basen I. A. Krylova* [Transformations in Tukay's Translations of Fables by I. A. Krylov]. Tukai i dukhovnaia kul'tura XX veka. (Materialy nauchnoi konf., posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia Tukaia). Pp. 249–254. Kazan', ИИЛ. (In Russian)

Bashkurov, R. F. (1957). *Perevody G. Tukaia iz russkoi literatury: dis. ... kand. filol. nauk* [Tukay's Translations of Russian Literature: Ph.D. Thesis]. 348 p. Kazan'. (In Russian)

Gasparov, L. (1987). *Basnia* [The Fable]. Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'. Pod red. V. M. Kozhevnikova i P. A. Nikolaeva. Pp. 46–47. Moscow, Sov. entskl. (In Russian)

Khannanova, G. (2018). “*Na put'-dorogu nas vyvodit “Novyi vek”*” [“New Century” Takes Us onto the Path-Way]. Gabdulla Tukaiның tormysh һәм ыжаты khronikasy echen materiallar (1886–1907). Materialy k khronike zhizni i tvorchestva Gabdully Tukaia. Z. Rәmiev, M. I. Ibrahimov, G. Khannanova, N. Sh. Nasybullina (na rus. i tat. iaz.). Kazan', pp. 313–322. (In Russian, in Tatar)

Krylov, I. A. (1979). *Basni* [Fables]. 303 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Minnegulov, Kh. Iu. (1993). *Tatarskaia literatura i vostochnaia klassika* [Tatar Literature and Oriental Classics]. Voprosy vzaimosviazei i poetiki. 384 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Nasyri, K. (1977). *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. 256 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Nigmatullin, E. G. (2002). *Dialog literatur* [Dialogue among Literatures]. Ukazatel' perevodov proizvedenii russkoi literatury na tatarskii iazyk. 175 p. Kazan', Unipress. (In Russian)

Nigmatullina, Iu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitii tatarskoi i russkoi literatur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literatures]. 191 p. Kazan', Fen. (In Russian)

Nurullin, I. Z. (1977). *Tukai* [Tukay]. Avtoriz. perevod s tat. R. Fisha. 240 p. Moscow, Molodaia gvardiia. (In Russian)

Pashkurov, A. N. (2000). *Ivan Andreevich Krylov* [Ivan Andreevich Krylov]. Russkaia literatura ot “Slova o polku Igoreve” do nashikh dnei. Pp. 15–21. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Potebnia, A. A. (2003). *Teoreticheskaia poetika: ucheb. pos.* [Theoretical Poetics: A Textbook]. Sost., vstup. st. i komment. A. B. Muratova. 384 p. Moscow, “Akademiia”. (In Russian)

Rәmiev, Kh. (1901). *Әмсал'* [Amsale]. 14 p. Kazan (Arabic script). (In Tatar)

Sharipov, A. M. (2001). *Zarozhdenie sistemy stikhotvornykh zhanrov v drevnetiurkskoi i tiurksko-tatarskoi literature (VIII–XIV vv.)* [The Origin of the Poetic Genres System in Ancient Turkic and Turkic-Tatar Literature (the 8th– 14th centuries)]. 364 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Stepanov, V. P. (1986). *Russkaia basnia* [Russian Fables]. Russkaia basnia. Pp. 7–20. Moscow, Pravda. (In Russian)

Tomashevskii, B. V. (2010). *Kratkii kurs poetiki: ucheb. pos.* [A Short Course of Poetics: A Textbook]. 192 p. Moscow, KDU. (In Russian)

Tukai, G. (2008). *Izbrannoe* [Selected Works]. Per. s tat. iaz. V. S. Dumaevoi-Valievoy. 223 p. Kazan', Magarif. (In Russian)

Tukai, G. (2003). *Sailanma әсәрләр. Shigyr'lär, poemalar һәм chәchmә әсерләр* [Selected Works. Poems and Prose]. 480 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

The article was submitted on 02.02.2019

Поступила в редакцию 02.02.2019

Хабибуллина Алсу Зарифовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Alsu_Zarifovna@mail.ru

Khabibullina Alsu Zarifovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Alsu_Zarifovna@mail.ru